

ОТЧУЖДЕНИЕ И ОТДЕЛЕНИЕ

ЭРИК ЛОРАН*

I

В качестве темы своего сообщения я выбрал понятия отчуждения и отделения в XI семинаре. «Отчуждение» является подзаголовком 16-ой главы, но мы тщетно будем искать какую-либо другую главу семинара, заглавием которой или даже подзаголовком было бы «Отделение». Однако я решил озаглавить свое выступление именно так, поскольку переломный момент, который был этим семинаром ознаменован, когда он проходил в 1964 году, решительным образом связан с введением отчуждения и отделения как двух операций, конституирующих субъекта. Развитие учения Лакана в этом направлении было признаком разрыва (хотя в те годы едва ли он был распознан как таковой), а вместе с тем и нового альянса.

В тот период времени слушатели Лакана хорошо усвоили, что он использовал категории, заимствованные из структурной лингвистики применительно к психоанализу. В учении Лакана доминировал акцент на метафоре и метонимии как двух операциях, конституирующих бессознательное, или работу бессознательного. Одним из характерных свидетельств тех лет может послужить, например, текст Франсуа Лиотара, в котором он критикует Лакана, подчеркивая, что бессознательное, концептуализированное Фрейдом в «Толковании сновидений», не может быть сведено к метафоре и метонимии. (Лакан ответил на эту критику в «*Radiophonie*»^{**} – интервью, которое транслировалось бельгийской радиостанцией.) Критики Лакана сосредоточили свое внимание на использовании им этих категорий, которые он отчасти почерпнул из работ Романа Якобсона. В 1964 году еще не было в полной мере понятно, что введение понятий отчуждения и отделения представляло собой решительный отход от категорий метафоры и метонимии и его предыдущей концептуализации бессознательного.

* Эрик Лоран – профессор факультета психоанализа университета Париж VIII, практикующий психоаналитик.

** *Radiophonie // Scilicet*, 1970, 2/3, p.55–99.

Отчуждение и отделение, введенные в XI семинаре как операторы, привнесенные из формальной логики, знаменуют собой еще один шаг прочь от бывшего акцента на «полной речи» в ее связи с феноменологией и экзистенциализмом – доминирующей философией той эпохи. Лингвистические операции метафоры и метонимии позволили Лакану сделать первый шаг, а благодаря формальным наукам* и категориям лингвистического подхода, использующего не естественные, а формальные языки, он сделал еще один шаг вперед. Таким образом, отчуждение и отделение непосредственно связаны с двумя базисными операциями логики первого порядка [*first order logic*].

В первой строке 16-ой главы Лакан отчетливо обозначает эпистемологический горизонт своей работы – обоснование психоанализа как науки. Масштаб этого проекта включает в себя попытку определить точную природу такой науки, которая могла бы включить в себя психоанализ. Перефразируя название одной из работ Куайна**, Лакан подчеркивает: «с эпистемологической точки зрения», давая тем самым понять, что если психоанализу суждено стать наукой о бессознательном, то ее отправной точкой должно быть утверждение, что «бессознательное структурировано как язык». Именно этот пункт был назван Жаком-Аленом Миллером главным тезисом Лакана.

Однако второй параграф содержит любопытное умозаключение: «Исходя из этого, я вывел топологию» (С.ХІ, с.217)***. Но как можно вывести топологию из аксиомы, что бессознательное структурировано как язык? Этот поворот мысли Лакана всегда было очень трудно понять его слушателям. Лингвисты, в сущности, никогда не предлагали каких-либо топологий, которые включали бы аксиому о системе, структурированной как язык.

Еще более загадочным представляется, как топология способна объяснить конституирование субъекта. Субъект является понятием, которое, кажется, не поддается какому-либо топологическому или логическому определению. Более того, Лакан добавляет, что его топология является ответом

* Речь идет в первую очередь о математических дисциплинах (математической логике, математической топологии и др.). – Прим. пер.

** Подразумевается работа американского философа и логика Уилларда Куайна (Quine) «С логической точки зрения» (1953). – Прим. пер.

*** В значительную часть цитат из Семинара XI в переводе А.Черноглазова были внесены бóльшие или меньшие изменения, которые носят не столько принципиальный характер, сколько являются попыткой более точно передать некоторые нюансы высказываний Лакана, помещенных в определенный контекст (в данном случае – комментарии Э.Лорана). В таком случае, вследствие фундаментальной многозначности текстов Лакана, они неизбежно обрастают “прибавочным смыслом” и требуют множественности интерпретаций. Даже в такой, казалось бы, далекой от теории и практики психоанализа сфере, как переводческая деятельность, Лакан, пользуясь выражением Ж.-А.Миллера, дает нам еще один урок свободы.

Стоит особо подчеркнуть, что многочисленные модификации, внесенные в перевод А.Черноглазова, нисколько не умаляют его профессиональные достоинства и безусловный талант переводчика, тем более, что, благодаря многочисленным телефонным переговорам, он сам же и является соавтором новых редакций своих же переводов. Скорее, они говорят о глубине его понимания такой “невозможной” деятельности, как перевод Лакана на русский язык.

Все цитаты, в которые были внесены какие-либо изменения, помечены знаком °. – Прим. пер.

на критику, согласно которой он игнорирует динамическую точку зрения в психоанализе. Он говорит:

«На это мне возражали, – надеюсь, это время прошло, – указывая на то, что, придавая ведущее значение структуре, я игнорирую столь очевидно присутствующую в нашем опыте динамику, и доходили даже до утверждений, будто я обхожу то принципиальное для фрейдовского учения положение, что динамика эта, по сути своей, носит от начала и до конца сексуальный характер» (С.ХI, с.217)°.

Итак, можно констатировать три шага: во-первых, бессознательное структурировано как язык; во-вторых, исходя из этого положения, может быть выведена топология, которая объясняет конституирование субъекта; и, в-третьих, субъект, в свою очередь, позволяет объяснить то, что в психоанализе (хотя и не в лакановском) известно как динамическая точка зрения. Субъект связан с влечениями или инстинктами и, следовательно, не может быть от них отделен. Одна из целей, которую преследуют 16-я и две последующие главы – заместить так называемую динамическую точку зрения топологической. Лакан пытается показать, что обе эти точки зрения являются, в сущности, идентичными. Что же касается всего того, что Фрейд пытается представить при помощи энергетических метафор, заимствованных из механики XIX века, это следует пересмотреть с позиции формализаций наук XX века. Эта позиция подразумевает логику, которая не только не исключает время, но и включает в себя временную функцию. Тем не менее, мы всегда сталкиваемся со сложностями, когда вводим время в формально-логическую систему.

Гегель пытался ввести логику, которая могла включать в себя время, но его взгляды были повсеместно отвергнуты с позиции формальной логики. Попытка же Лакана состоит в том, чтобы обосновать именно то, что, с его точки зрения, принципиально отличается от позиции Гегеля: временная функция может быть введена в рамки «логификации» операций, конституирующих субъекта. И теперь, благодаря этой временной функции, динамика переноса может получить исчерпывающее объяснение.

В лакановском сообществе Жак-Ален Миллер был первым, кто сумел осознать радикальность последствий использования отчуждения и отделения как новой пары оппозиций, заменившей старую пару – метафору и метонимию.

Немаловажную роль в этом отношении сыграла, в частности, лекция Миллера «Другой Лакан» (*“D’un autre Lacan”*), прочитанная им в Каракасе в 1980г. (*“Ornicar?”*, 28, 1984). Благодаря этой лекции мы способны сегодня уловить особую значимость упоминания Лаканом метонимии в конце 16-ой главы:

«В этом интервале, рассекающем цепь означающих, который составляет часть самой структуры означающего, находится локус того, что в других частях своей экспозиции я назвал метонимией» (С.ХІ, с.228)°.

Кроме того, это замещение, как я уже ранее упоминал, знаменует собой создание нового альянса. До того как следствия этой инновации были поняты, среди слушателей Лакана существовало разделение между практикующими аналитиками и университетскими гуманитариями. Гуманитарии с восторгом пользовались категориями метафора / метонимия. Они знали, как с ними обращаться, понимали значение их использования и были зачарованы новым подходом, который делал особый акцент на методе хорошо известном, например, в литературоведении. Что касается практикующих аналитиков, то они с не меньшим восторгом видели, как все многочисленные механизмы, указанные в «Толковании сновидений» Фрейда, могут быть сформулированы в категориях метафоры / метонимии. Вместе с тем, они не очень ясно себе представляли, что с этим можно было сделать, – кроме того, как усердно продолжать оперировать все теми же механизмами интерпретации сновидений. Эти две разделенные между собой группы были объединены Лаканом, когда он сформулировал определение процесса аналитического лечения в категориях отчуждения и отделения, а финальную фазу анализа – завершение аналитического опыта – описал в категориях отделения.

Лакан основал свою собственную школу, *Ecole freudienne de Paris*, в 1964 году, а Семинар ХІ был первым семинаром, который он читал для аналитических кандидатов своей школы. Тремя годами позже он выдвинул предложение определить в своей школе четкие критерии завершения анализа или его финальной фазы (*Scilicet*, 1968). В этом предложении 1967 года он ввел новую категорию «проход» (*passé*) – отчуждение и отделение – с целью определить категорию бытия в анализе, ту задаваемую психоанализом онтологию, благодаря которой становится возможным постижение человеческой сексуальности. Эта онтология связывает субъекта и его желание с нехваткой бытия и в то же время придает атрибут субстанции только наслаждению (*jouissance*) – единственной субстанции, которую признавал Лакан.

Пытаясь дать определение отчуждению в 16-ой главе, Лакан указывает, что для этого ему необходимы понятия субъекта и Другого. При этом он формулирует Другого как «локус, в котором расположена означающая цепочка, устанавливающая, какой из аспектов субъекта может в данный момент предстать» (С.ХІ, с.217)°. Это определение связывает Другого и субъекта таким образом, который отчетливо конституирует отчуждение: субъект как таковой может быть выявлен только в месте или локусе Другого. Не существует способа определить субъекта как самосознание.

К этой точке зрения Лакан пришел задолго до его серьезного углубления в логику. Она начала оформляться у него в самые ранние годы разработки его учения, когда он находился в оппозиции по отношению к Ж.-П.Сартру. В те годы Сартр пытался утвердить понимание субъекта, которого он определял как тупик в его самосознании.

В пьесе Сартра «*No Exit*» («*Нет выхода*»)* трое людей находятся в комнате. Каждый из них совершил преступление, являясь в той или иной степени убийцей. Они видят ад, муку, невыносимую боль от логического тупика, на которые безнадежно обречены двое других. Но каждый по отдельности не может признать свое собственное преступление и терзается чувством вины, не понимая ее причин. Он может понять меру своей вины только через двух других. В конце пьесы произносится ставшая афоризмом фраза: «Ад – это другие». Действительно, мы не можем знать самих себя как субъектов. Не существует самосознания нас самих – мы вынуждены познавать самих себя через посредство других.

Своеобразным ответом Лакана на пьесу Сартра явилась его статья, опубликованная в 1945г. под названием «*Логическое время и утверждение предвосхищаемой достоверности*»**. Мы имеем здесь дело с логической конструкцией, логической игрой или головоломкой. В тюрьме трое заключенных находятся в одной камере. Все они приговорены к смерти. В пьесе Сартра его герои мертвы и прокляты***. В версии же Лакана заключенным вынесен приговор, но у них есть выход. Тюремный надзиратель раскрывает им имеющийся у них шанс спастись. Он сообщает следующие условия. Каждому из троих заключенных к спине будет прикреплен черный или белый диск. Всего имеется три белых диска и два черных. Надзиратель сам выберет из этого набора по диску для каждого. Никто не может увидеть собственный диск, но каждый может видеть диски на спинах двух других находящихся в комнате заключенных. Задача состоит в том, чтобы попытаться определить цвет своего диска, соблюдая при этом запрет на какие-либо разговоры друг с другом. Первый, кто выйдет за дверь и сумеет логически обосновать свое умозаключение, будет отпущен на свободу.

Все это в точности воспроизводит логику пьесы Сартра. Лакан лишь редуцирует сартровскую метафору первородного греха к прикрепленному к спине диску. А представление Сартра о том, что никто не может иметь прямого доступа к собственному чувству вины и обречен на жизнь с нечистой совестью, он сводит к тому факту, что нельзя увидеть цвет диска на своей спине.

* Судя по всему, имеется в виду пьеса Сартра «*Les huit clos*». В русском переводе она может быть известна под названием «*При закрытых дверях*» – Прим. пер.

** *Le temps logique et l'assertion de certitude anticipée // Lacan, Jacques. Écrits. Paris: Editions du Seuil, 1966. См. также перевод на англ. язык: Logical Time and the Assertion of Anticipated Certainty: A New Sophism // Newsletter of the Freudian Field, 1988, 2(2), p.4-22. – Перевод названия статьи подсказан А.Черноглазовым – Прим. пер.*

*** Действие пьесы происходит в аду. – Прим. пер.

Когда наставления от надзирателя получены, трех заключенных запирают в одной камере. Поскольку имеется три белых диска и всего два черных, то если заключенный видит два черных диска, он с очевидностью понимает, что у него белый диск. Таким образом, все трое сначала пытаются рассмотреть цвет диска на спине своих соседей, а затем начинают следить за их движениями. Если один из них направляется к выходу, двое других понимают, что он увидел два черных диска, и, следовательно, их диски должны быть черными. Тогда они тоже могут идти к выходу и заявить, что на них черные диски. Таким образом, в рамках структуры, состоящей из трех заключенных, производятся разоблачающие движения.

Лакан подчеркивает, что хотя истина в этом эксперименте и обнаруживается каждым индивидом самостоятельно, независимо от других, она имеет структуру коллективного исчисления, поскольку может быть установлена только через других. Утверждение Лакана, что истина может быть установлена только «*par les autres*» (через других), является его прямым ответом на сартровское «Ад – это другие (люди)». Структура, состоящая из трех заключенных и одного отсутствующего диска, абсолютно точно соответствует эдиповской структуре: отец, мать и ребенок заточены в их приватный ад. Все они вынуждены предаваться сложным вычислениям, поскольку одного элемента не хватает – фаллоса. Его никто не имеет, но все трое должны всерьез принять этот символ в расчет, чтобы определить свои позиции: как отца, как матери и как ребенка. Если один из них совершит ошибку, думая, что он или она и есть то самое, чего не хватает: отец подумает, что он является Отцом (*the Father*); мать подумает, что она является собой Женщину (*the Woman*), а ребенок подумает, что он является фаллосом для своей матери, – все они зайдут в тупик в своих калькуляциях. Никто не найдет выхода из этой ловушки. Они будут обречены на вечное повторение.

Но если они допустят, что этот элемент никоим образом ни для кого не доступен, что он в принципе отсутствует, и что каждый должен определить свою позицию по отношению к этому символу, – тогда у них есть шанс обрести то, что в психоанализе называют ценностями истины (*truth values*), или ценностями желания (*desire values*). Выходом из тупика сексуального самоопределения является тот факт, что в бессознательном не существует такой вещи, как запись, что такое мужчина или женщина. Существуют лишь выдумки, посредством которых люди пытаются компенсировать этот фундаментальный пробел или нехватку в бессознательном.

Вполне возможно, что именно по этой причине в «Науке и истине» (*Newsletter of the Freudian Field*, 3, 1989) Лакан обозначает фаллос как «*gnomon*» – греческий термин, непосредственно связанный с древнегреческой математикой и расчетом гармонических рядов, – то есть как связь

между субъектом и другим. Эта связь в цепочке – как означающих, так и вычислений – была введена Лаканом в самом начале разработки его учения с целью иллюстрации динамики аналитического лечения. Это – правда, что осознание того, каким образом вас определяли как субъекта, – посредством распознавания и исчисления ваших идентификаций, – может существенно облегчить чувство вины, которое вы «приносите» с собой на анализ. Ведь тот факт, что своим силами* вы не можете найти выход из своего приватного ада, куда вы были посланы, объясняется тем, что он был там с самого начала.

Существенно новым в 16-ой главе является утверждение Лакана о том, что влечения возникают в субъекте, а не в Оно. Он говорит: «Именно в этом живом существе, призванном к субъективности, влечение, по существу дела, и проявляется» (С.ХІ, с.217)^о. Таким образом, субъект и влечение расположены в одном и том же месте, что в некотором смысле кажется парадоксальным. Однако Лакан уже давно использовал игру слов, употребляя букву «S» для обозначения субъекта, которая произносится так же как фрейдовское «Es», «Оно», являющееся локусом влечений.

Влечения не могут быть представлены, как и Другой [*represented as the Other qua whole*], в качестве целого. Влечения, как говорил Фрейд, являются только частичными. Лакан реинтерпретирует это, утверждая, что логика целого не может проявиться в Другом (). В Другом не существует способа записать квантор «для всех» или «всего». Ни один из таких кванторов не может функционировать в этом месте. равняется «не всему». «Не все» субъекта может полностью быть представлено в Другом. Всегда существует некий остаток. Лакан развивает эту мысль в духе, созвучном с ее дальнейшим развитием, которое она получает в семинаре по женской сексуальности, названном «*Encore*».

В XI семинаре Лакан говорит:

«Одержимый идеей взаимодополнения полов, миф Аристофана сплетает их в патетический и обманчивый образ, утверждая, что живое существо ищет в любви своего другого, свою половину противоположного пола. На место этой мифической, рисующей тайну любви, картины, психоанализ ставит поиски субъектом не сексуального дополнения своего, а безвозвратно утраченной им частицы себя самого – частицы, возникновением своим обязанной тому факту, что существо, став всего-навсего носителем пола, утрачивает бессмертие» (С.ХІ, с.219).

Лакан напоминает нам, что миф Аристофана об изначальном расщеплении человеческих существ объясняет любовное стремление найти свою другую половину. Миф затемняет истинный смысл этого стремления: всегда существует остаток в сексуальной репрезентации субъекта в Другом. Две нехватки, введенные Лаканом в начале его лекции, а затем проходящие красной нитью до ее конца, пересекаются, накладываясь друг на дру-

* То есть без аналитической помощи – Прим. пер.

га. Я сначала помогу вам представить эти две нехватки, а затем дам им объяснение, прежде чем мы вернемся к тексту.

Для их демонстрации я воспользуюсь формулировками Жака-Алена Миллера, которые он приводит в своем комментарии, поскольку они являются одновременно и самыми простыми, и самыми точными в прояснении самой сути лакановской идеи. В целях иллюстрации связи субъекта и Другого в тексте Лакана приводится рисунок (С.ХІ, с.226). Связывая субъекта и Другого, Лакан располагает бытие с одной стороны, а смысл с другой (см. рис.1).

Первая нехватка связана с тем фактом, что субъект не может полностью репрезентировать себя в Другом: всегда существует остаток – остаток, который предопределяет основополагающие рамки сексуального измерения бытия субъекта. Не все аспекты субъекта здесь могут предстать. Принципиально частичный характер влечений образует нехватку, которую Лакан обозначает при помощи кривой разделительной черты, перечеркивающей субъекта ($\$$).

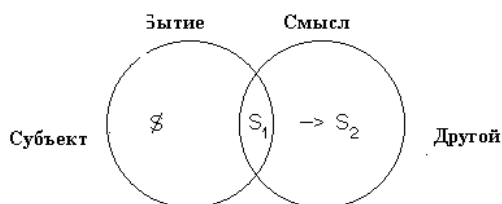

Рис.1

Но затем мы имеем дело со второй нехваткой, носящей еще более глубокий характер. К сожалению, в семинаре нет графа или формализации «отделения». Однако Жак-Ален Миллер разработал такую формализацию в своих лекциях. Для того, чтобы понять вторую нехватку, можно свести Другого к следующей краткой формуле: $S1 \rightarrow S2$. Это указывает на то, что нам нужно по меньшей мере два означающих, чтобы определить структуру Другого.

Несмотря на то, что субъект конституирован, важно всерьез принять во внимание факт наличия остатка – остатка, который находится как в поле субъекта в качестве носителя определенных сексуальных характеристик, так и в поле Другого. В целях иллюстрации мы можем поместить два означающих в одну часть круга; объект (a) расположить в том месте, где в предыдущем рисунке находилось единичное (или одинарное) означающее ($S1$), а субъект ($\$$) разместить в другом кругу.

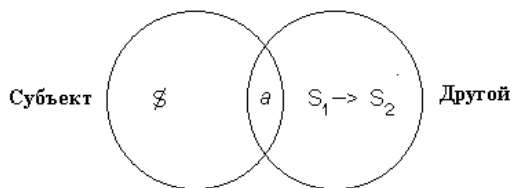

Рис.2

У нас есть два способа сформулировать определение нехватки субъекта. Согласно одному из них, – вследствие факта отчуждения: в тот самый момент, как только субъект (\$) отождествляется с каким-то одним означающим, оно репрезентирует его другому означающему ($S1 \rightarrow S2$)^{*}. Например, «гадкий мальчишка» репрезентируется как «гадкий мальчишка» относительно идеала его матери. Таким образом, «гадкий мальчишка» (или любая другая идентификация, выполнявшая в какой-то период времени роль доминантного означающего [*master signifier*]) становится для субъекта предписанием на всю его долгую жизнь. Ему было дано такое определение, – и он ведет себя в соответствии с ним. Всякий раз, когда субъект отождествляется с такого рода означающим, он окаменеваает. Его определяют в категориях фиксированных характеристик, словно мертвого, словно он лишен той живой части своего бытия, которая содержит в себе его наслаждение (*jouissance*).

Каждый раз, когда вы выделяете одну из идентификаций субъекта, вам следует затем найти сопровождающую ее фантазию ($\exists \diamond a$) – фантазию, которая приносила бы ему некоторое наслаждение. Как может этот субъект, это сексуальное существо получить свою долю наслаждения, если он определен как «гадкий мальчишка» по отношению к любимой им женщине? Какой объект – оральный, анальный, скопический или какой-либо еще – занимает центральное положение в фантазии, которая доставляет ему наслаждение? Объект (*a*) представляет собой другую часть субъекта, что, в свою очередь, и является вторым способом определения его нехватки.

Итак, одна нехватка – это $S1$ (на рис.1), а другая – *a* (на рис.2).

В случае первой нехватки, когда субъект определен посредством доминантного означающего, часть субъекта выпадает из полного определения. Даже если наш «гадкий мальчишка» действительно является таковым, то он представляет собой еще очень многое другое. Затем мы обращаемся ко второй нехватке.

^{*} Согласно определению Лакана, которое он приводит в XI семинаре: «Означающее есть то, что репрезентирует субъекта другому означающему» (см. с.221)^o – Прим. пер.

Субъект пытается вписать репрезентацию наслаждения в локусе Другого в текст своей фантазии и пытается определить себя посредством этой фантазии ($\exists \diamond a$). Однако, пытаясь определить себя подобным образом, он создает еще одну нехватку – следствие того факта, что наслаждение является лишь частичным.

Затем, как я уже говорил, Лакан пытается при помощи этих категорий, которые кажутся такими абстрактными, указать важнейшие ориентиры курса аналитического лечения. Эти ориентиры имплицитно содержатся в самих этих категориях и, соответственно, могут быть выведены из них. Например, указания относительно использования интерпретации в аналитическом лечении.

Лакан говорит:

«Главное значение интерпретации состоит, вследствие отчуждения, вовсе не в ее способности обнаруживать значения, определяющие собою то, чем психика субъекта на пути своем руководствуется. Это всего лишь прелюдия. Интерпретация нацелена не столько на смысл, сколько на то, чтобы свести означающие к бессмыслице и обнаружить тем самым детерминанты всего поведения субъекта» (С.ХI, с.226)°.

Различение, которое Лакан пытается здесь провести, имеет фундаментальное значение. Интерпретация понимается как инвентаризация всех сексуальных значений одного означающего. Рассмотрим, к примеру, случай пациента, у которого имеется obsессия, связанная с числом три. У него произошла фиксация на числе. Это создает для него проблемы, в особенности, если он работает бухгалтером. Всякий раз, сверяя колонки цифр, он обязательно пропустит все тройки. Теперь ему нужно проверить, сколько троек он пропустил, и на это занятие у него может уйти уйма времени. Вы можете начать с выявления и систематизации всех сексуальных значений, связанных для субъекта с цифрой три. Что случилось, когда ему было три года? Что происходило в его эдиповском треугольнике? Не привлекает ли его, например, *ménage à trois*? Набор значений может оказаться весьма большим.

Это только первый шаг, но он необходим. Итак, вы должны систематическим образом прояснить (*to map*) все значения означающего «три», в самых тщательных деталях рассмотреть все обстоятельства жизни пациента, в которых эта цифра играла роль доминантного означающего, и выявить соответствующие им значения. Однако когда вы завершили эту работу с систематизацией (или каталогизацией) значений, вы должны привести субъекта к чему-то еще, а именно: к месту, где каждое означающее имеет для него функцию $\exists \rightarrow a$. В конце концов, $S1 \rightarrow S2$ оставляет субъекта без истинного сексуального референта*, который помог бы ему найти свое место.

* В лингвистике «референт» означает объект действительности, соотносимый с языковой единицей. – Прим. пер.

После того как вы тщательно разобрались со всеми симптомами, обусловленными obsession с числами, вам следует исследовать другое изменение субъекта. Помимо симптомов, он должен так же отчетливо прояснить свою субъективную позицию, которую он занимает по отношению к некой конкретной фантазии. Тем фактором, который определяет фантазию, является бессмысленная цепочка доминантных означающих, неким образом соединенных вместе. Фантазия же детерминирует сексуальное поведение субъекта или его самоидентичность.

В процессе обсуждения этой темы, Лакан упоминает colloquium, проведенный в 1960г. в городе Бонваль*, во время которого имела место резкая конфронтация между лакановскими студентами и психиатрами, а также психоаналитиками иных ориентаций. Это научное мероприятие было организовано Анри Айем – одной из крупнейших фигур французской психиатрии. Лакан прочитал там лекцию «Позиция бессознательного», которая была опубликована во французском издании *Écrits*. На этом же colloquium выступили с докладами Жан Лапланш и Серж Леклер**. В своем получившем широкую известность сообщении Леклер продемонстрировал нюансы практического применения лакановского анализа.

Он описал случай пациента по имени Филипп, у которого был ряд obsessive симптомов. Его главная навязчивость была связана с единорогами (по-французски – *licorne*). Вопрос состоит в том, как это получается, что всех нас не преследуют навязчивые мысли о единорогах, ведь у нас есть множество для этого причин. У Филиппа были obsessions, истоки которых восходили к тому факту, что ему дали определение не «гадкого мальчишки», а «бедняжки Филиппа» (*pauvre Philippe*). Его мать всегда обращалась к нему не иначе, как «бедняжка Филипп» (*pauvre Philippe*). Леклер подчеркнул созвучие гласного в «au» – «*pauvre*» и «o» в «*licorne*» и пояснил, что для Филиппа звучание «*pauvre Philippe*» было самым тесным образом связано с его засыпанием. Это наблюдение устанавливало связь между сновидением Филиппа о единороге с голосом убаюкивающей его матери, повторявшей: «*pauvre Philippe*». Леклер отметил, что единорог репрезентировал материнский фаллос и отказ Филиппа в признании материнской кастрации. В своем сновидении Филипп смог убедить себя в том, что его мать не является «бедняжкой», с фаллической точки зрения.

С точки зрения значения – связи между obsession и сновидением (центральным сновидением в жизни Филиппа) – Леклер показал, что Филиппу можно было бы дать определение при помощи цепочки означающих, кото-

* *L'inconscient, VIe Colloque de Bonneval, ed. Henry Ey, Desclée de Brouwer, 1966.* – Прим. автора.

** В сборнике материалов colloquium была опубликована совместная статья Ж.Лапланша и С.Леклера: *Jean Laplanche et Serge Leclair. L'Inconscient, une étude psychanalytique // L'Inconscient. Paris: Desclée de Brouwer, 1966, p.95-130, p.170-177.* Главы I, II и IV были написаны Ж.Лапланшем, а главы III и V – С.Леклером. Существует также перевод на англ.яз.: *Jean Laplanche and Serge Leclair. The Unconscious: A Psychoanalytic Study // Yale French Studies, 1972, 48, p.118-178.* – Прим. пер.

рые он записал следующим образом: «*Poôr (d) J'e – Li*» (*Poordjeli*). Эта аббревиатура складывается из следующих элементов: «*pauvre Philippe*» (бедняжка Филипп), «*je*» («я» субъекта), «*li*» как общий элемент *Philippe*, «*li-corne*» и «*lit*» (кровать). Все, что могло быть включено в подобную цепочку, – при всей ее абсурдности как словосочетания, – являлось цепочкой доминантных означающих в жизни Филиппа.

Лакан говорит:

«Я попрошу вас обратиться в связи с этим к случаю применения моих положений на практике – случаю, описанному моим учеником Леклером в выступлении на конгрессе в Бонвале. Вы сами увидите, что последовательность, связанная с единорогом, выделена им не по признаку связи значений, как полагали, по-видимому, участники тогдашней дискуссии, а именно в качестве бессмысленной и не сводимой ни к чему более цепи означающих» (С.XI, с.226).

Лакан умалчивает о том, что, с точки зрения Леклера, эта работа знаменовала собой конец интерпретативного процесса. Леклер представил свое описание как завершённый анализ, тогда как Лакан подчеркивает, что это лишь прелюдия. Как только вам удалось выявить некоторое количество доминантных означающих, перед вами тут же возникает *другая* проблема. Как «бедняжка Филипп» сможет определить, что он есть, не через фаллос, а через остаток фаллической операции, то есть через свои частичные объекты, или, точнее говоря, объект *a* (ведь Лакан вводит объект *a* как логификацию частичного объекта)?

Субъекта следует провести еще через один лабиринт – не тот, который складывается из его идентификаций, а тот, который организуется его способами получения наслаждения – способами, посредством которых он трансформирует любимого другого в (либидозный) объект. Выделяя лишь одну цепочку (*S1* → *S2*), мы тем самым игнорируем тот факт, что бедняжка Филипп любит женщин каким-то определенным образом. Обращается ли он с женщиной как с грудью, задавая определенный тон своим отношениям: липнет к ней, постоянно что-то требует, его отвергают – он возвращается назад? А может, он избирает анальный подход к женщинам: пылко влюбляется, а затем бежит как сумасшедший от объекта своей недавней страсти, поскольку тот оказался сведенным к анальному объекту, который дурно пахнет? Или же он предпочитает скопический подход: никогда не видит, как его возлюбленная самым откровенным образом обманывает его; не видит тупика, в который неизменно попадает; постоянно влюбляется с первого взгляда и ценит превыше всего сам момент вспышки любовных чувств? А может, для него возлюбленная – это, прежде всего, голос – голос, который отдает ему распоряжения или рождает в нем навязчивое желание услышать его звучание снова и снова?

Каждый из этих подходов к любви может быть выведен из одной и той же цепочки доминантных означающих. И важно научиться понимать на опыте своего собственного личного анализа не только то, насколько велика

нехватка вашей идентификации, насколько ваша идентификация неполна, и что цепочка доминантных означающих не является новым именем для субъекта (даже в случае Филиппа). Не менее важно признавать также и то, что собственное имя субъекта всегда обладает нехваткой. Следует научиться понимать, что ваша любовь не может вас полностью репрезентировать – невозможно полностью записать свою любовь в локусе Другого. Вы должны всегда помнить об этой другой нехватке: какой бы подлинной ни была ваша любовь, вы всегда столкнетесь с тем же самым остатком – остатком в истинном смысле этого слова. Это то, что напоминает вам о том факте, что вы не репрезентированы, что есть предел, что существует лишь частичная репрезентация. Это напоминает вам о том наслаждении, которое вам доставляли ваши оральные и анальные требования, о том, что вы пытались получить от матери – ее взгляда или звучания ее голоса – то, что непосредственно не связано с какой-либо потребностью. У вас есть потребность в пище, потребность в опорожнении кишечника. Однако у вас явно нет потребности во взгляде или голосе Другого. Тем не менее, вы желаете этого намного сильнее, чем думаете.

II

Сегодня я продолжу начатое на прошлой неделе обсуждение темы отчуждения и отделения, в котором я подчеркнул некоторые вытекающие из нее клинические последствия. Начнем со страниц 266-267 главы XIX «От интерпретации к переносу», поскольку именно там мы найдем однозначную оценку Лаканом ошибки, допущенной Жаном Лапланшем (в то время одним из его учеников) в отношении лакановской теории интерпретации. Ошибка Лапланша (далеко не глупца) возникла вследствие чего-то такого, имеющегося в учении Лакана, что, казалось, позволяло авторизовать позицию Лапланша. Вот что утверждает по этому поводу Лакан:

«Неверно, поэтому, ссылаясь на то, что речь идет о связи одного означающего с другим, то есть связи вполне сумасбродной, утверждать, как это делает автор нашей статьи, что интерпретация открыта любому смыслу» (С.ХI, с.267).

В золотое время метафоры и метонимии Лапланш пришел к следующему заключению. Если метафора представляет собой эффект значения, создаваемого посредством замещения одного означающего другим, а метонимия является продуктом того, что эти означающие соединяются друг с другом на одном и том же уровне с эффектом значения, то любой получаемый эффект является допустимым в рамках этой формулы. Если у вас отсутствует фактор, ограничивающий метафорические или метонимические аспекты интерпретации, тогда, как в эпистемологии джазовой эпохи, «годится все»^{*}.

^{*} Cf. Feyerabend, Paul. *Against Method*, Verso, 1979. – Прим. автора.

Складывалось такое впечатление, что приемлемо все, что производит эффект.

В те годы некоторые из последователей Лакана полагали, что его «экспрессионистский» характер и барочный стиль основаны на представлении о том, что самое главное – произвести эффект. Многие из учеников Лакана пытались имитировать его, чтобы достичь того же эффекта в аналитической ситуации. Таким образом, их концептуализация аналитического лечения основывалась и на этих предпосылках.

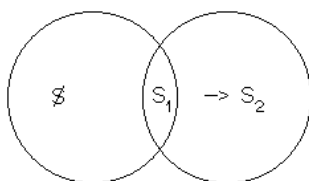
Когда же Лакан организовал собственную школу психоанализа и принял на себя ответственность за подготовку аналитиков, он решительно разоблачил эти ложные представления, подчеркивая, что аналитик не может говорить все, что ему вздумается.

«Интерпретация не открыта всем смыслам вообще» (С.ХІ, с.267). Чуть позже я прокомментирую это. Но почему он акцентирует внимание на этом в лекции, в которой вводит категории отчуждения и отделения?

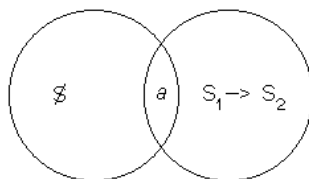
Как я уже утверждал в своем прошлом выступлении, единение (*the union*) субъекта с Другим приводит к потере. Если субъект пытается найти себя в Другом, он может найти себя лишь как утраченную часть. Он/она^{**} окаменевают под воздействием доминантного означающего и теряет при этом какую-то часть своего бытия.

Отчуждение (то есть тот факт, что субъект, не имеющий идентичности, должен идентифицироваться, отождествиться с чем-то) скрывает под собой, или накладывается на тот, в некотором смысле, еще более глубокий факт, что субъект определяет, кто он или она есть не только в цепочке означающих, но и на уровне влечений, в категориях его/ее наслаждения, связанного с Другим. Если обратиться к схемам, разработанным Жаком-Аленом Миллером, то мы получим:

Отчуждение:

Отделение:

^{**} Слово «субъект» – существительное мужского рода, однако оно обозначает субъекта как мужского, так и женского рода. К сожалению, гендерная корректность, проявленная автором текста в сохранении пары местоимений «he/she» («он/она») в тексте на английском языке, приводит в русском переводе к значительному грамматическому усложнению. В силу указанных причин, в ряде мест перевода нам пришлось пожертвовать гендерной скрупулезностью во имя удобочитаемости текста.

Рис.3

Пользуясь фрейдовской терминологией, можно сказать, что отчуждение скрывает под собой тот факт, что объект наслаждения потерян как таковой, как это показывает Фрейд в своей знаменитой статье 1925 года «Отрицание». Эти две формулы, или логические операции, создающие субъекта, если угодно, можно прочесть и в вертикальном порядке. Во-первых, отчуждение – факт, что субъект производится в недрах языка, который как бы поджидает его/ее, чтобы вписать в локус Другого. Субъект обнаруживает, что он расщеплен, расчленен между частичными влечениями и сам является частичным, поскольку его/ее появление всегда связано с потерей.

Эти формулы можно прочесть и по-иному. Субъект самым существенным образом является объектом наслаждения Другого. Его первоначальный статус как младенца состоит в том, чтобы быть утраченной частью Другого, реального Другого (обычно, своей матери). В начале своей жизни он занимает место *объекта (a)*, а затем он должен отождествиться с этой утраченной частью и войти в цепочку означающих. Он (она) будет стараться, как говорит Лакан, «присвоить свои первичные идентификации» – фраза, которую он использует в *Écrits*. Его/ее первичные идентификации, можно сказать, – это отождествление с доминантным означающим. Однако, в более глубоком смысле, его/ее первичная идентификация – это идентификация с объектом, который он/она определит для себя в конечном итоге. Полная же идентификация – это то, чем субъект был как таковой в желании Другого, не только на уровне символического желания, но и как реальная субстанция, обеспечивающая наслаждение (*real substance at stake for jouissance*). Субъект может лишь попытаться восстановить или опознать это в рамках развития цепочки означающих.

Итак, теперь вы можете читать эти схемы в двух направлениях. Сначала отчуждение, а затем отделение или, наоборот, сначала отделение, а потом отчуждение.

С логической точки зрения, первым является отчуждение. Но в аналитической ситуации сначала мы встречаемся с отделением. Когда Лакан говорит: «Интерпретация не открыта всем смыслам вообще» (С.ХІ, с.267), он решительно не склонен авторизировать ни теорию, согласно которой для интерпретации «годится все», ни «теорию наиболее доходчивой (*popular*) интерпретации», разработанную некоторыми аналитиками. (Суть последней сводится к следующему: вы предлагаете некую интерпретацию, но она не срабатывает; тогда вы предлагаете одну интерпретацию за другой, пока

не найдете некую самую «доходчивую» для анализанта, которую он будет готов принять).

В противоположность такого рода маневрам, вы должны обращаться к истинному смыслу того, что говорит анализант в рамках конкретной означающей цепочки.

Истинный смысл, к которому аналитическая интерпретация должна быть обращена, это не эффект значения (*signification*), а, скорее, продукт, или остаток первой встречи субъекта и Другого – остаток переживания («*das Erlebnis*», выражаясь фрейдовским языком), остаток наслаждения.

Лакан продолжает:

«Интерпретация не открыта любому смыслу. Сказать так, означало бы согласиться с мнением тех, кто, обвиняя аналитическую интерпретацию в произвольности, утверждает, что интерпретации возможны любые – что совершенно абсурдно. Тот факт, что интерпретация призвана, как я сказал, обособить в субъекте некое ядро – kern, как говорил Фрейд, – бессмыслицы, не значит, конечно, что интерпретация является бессмыслицей сама по себе» (С.ХІ, с.267).

Фрейд использует слово «*Kern*», чаще всего, говоря о «*der Kern unseres Wesens*» (ядре нашего бытия). Лакан перенял этот термин от Фрейда и описывал *Kern* субъекта как означающее, у которого изолирован его глубинный смысл, которое отделено от смысла. Если бинарное означающее репрезентирует (*stands for*) любой смысл, то оно тем самым выделяет в цепочке означающих то, что остается в ней на уровне бессмыслицы: доминантное означающее – *SI*.

В учении Лакана можно найти множество самых различных формулировок этой идеи: основные идентификации субъекта не имеют никакого смысла вообще – они просто *есть*. Можно, конечно, провести тщательное исследование тех смыслов, которыми они обладают, но нельзя игнорировать тот факт, что, в конечном счете, они все-таки бессмысленны. Лакан часто ссылаясь на определение фетиша, которое Фрейд приводит в описании случая человека, которому для того, чтобы заинтересоваться женщиной, нужно было разглядеть у нее некий «блеск на носу» (по-немецки: «*Glanz auf der Nase*»). Фрейд установил историческую связь этого странного явления с тем фактом, что у этого пациента в детстве его няней была англичанка. В силу сексуального любопытства он пытался «*to glance*» (взглянуть) на нее, но она предупредила его, что его нос понесет некое наказание, если он будет подглядывать за ней, когда не велено («совать свой нос», куда не следует). Таким образом, «*Glanz*» и «*glance*» оказались связаны с носом. Подобным образом, мы можем выявить смысл чего-то такого, что на более глубоком уровне лишено вообще какого-либо смысла. Просто это обстоит именно таким образом. Едва ли кто-то сможет объяснить, почему вся сексуальная жизнь этого человека оказалась подчиненной транслитерации английских слов в немецкие. Это находится на стороне бессмыслицы, что и пытается продемонстрировать Лакан, когда, разбирая

вовне). Таким образом, вы должны не прямо называть вещи, а как бы звать к ним лишь намеками – ваша нацеленность на объект должна оставаться «между строк», используя цепочку означающих субъекта и двусмысленные высказывания. Как сказал Цицерон, понятие пытается ухватить или цепко удержать объект. Но в психоанализе вы не можете схватить объект. Однако вы можете нацелиться на него. Используя означающие, вы имеете цель, в которую метитесь. Но вы не можете прямо выстрелить в нее.

Эти суждения, высказанные Лаканом в ходе Семинара XI, были затем формализованы в Семинаре XVII (1968-1969), когда он представил свои формулы четырех дискурсов.

$$\frac{S_1}{S} \rightarrow \frac{S_2}{a} \quad \begin{array}{l} \text{Отчуждение} \\ \text{Отделение} \end{array}$$

Здесь он совмещает в одной формуле определение отчуждения и отделения, завершая, так сказать, первую часть своего учения. Мы видим перед собой нечто вроде стенографической формулы того, что Фрейд называл «формациями (образованиями) бессознательного» – не продуктами или продукцией (*productions*), а **формациями** (*formations*). Форма обозначена одной частью формулы, а все другие аспекты фантазии (место, где было «Es», и место, где сейчас располагается наслаждение)* другой. Разработка четырех дискурсов в 1969 году представляется результатом кристаллизации базисных идей, к которым Лакан пришел на более ранних этапах развития своего учения. В итоге, их различные аспекты были включены в единую формулу.

В то же время, концептуализация четырех дискурсов была также связана с полемикой, развернувшейся во Франции в 1968 году – том самом году, когда студенческие волнения во Франции привели к политическому беспорядку, который длился примерно полтора месяца. Точный статус этих беспорядков до сих пор не установлен. Что именно это было такое? Волна студенческих протестов прокатилась по всему миру: от США до Китая (ведь первая волна культурной революции носила характер студенческих волнений). Как в капиталистических, так и социалистических странах, подобно цепной реакции, произошли любопытные события, длившиеся два или три года, точный смысл которых нам еще предстоит определить.

* (the place where “Es” was, where jouissance is). – Прим. пер.

Именно в это время разгорелась оживленная дискуссия в интеллектуальных кругах. Так, например, разногласия по одному из главных вопросов этой полемики привели в отношениях Мишеля Фуко и Жака Деррида к отдалению друг от друга. Поскольку некоторые из вас знакомы с работами Деррида и Фуко, я постараюсь быть кратким и расскажу о позиции Лакана в отношении этой дискуссии и о том, в каком-то смысле Фуко и Деррида обязаны Лакану.

Деррида подчеркивает тот факт, что субъект определяется через процесс отчуждения и остается отчужденным. Фуко же утверждает, что глубинный смысл того, что мы говорим друг другу, связан с нашей собственной *pratique de jouissance* – собственной практикой получения наслаждения.

Для Деррида всегда возможно «рассеивание»^{*} смысла (*dissemination*), всегда можно найти новое значение. Новое означающее всегда способно произвести поворот в развитии цепочки (означающих) и, таким образом, субъект, в итоге, всегда рассматривается как пустота, или пустое место. В связи с этим Фуко обвинял Деррида в метафизической позиции, поскольку Деррида принимал этого место в его неопределенности. Фуко же пытался в свою очередь предложить способ устранить эту неопределенность, проясняя стоящее за этой позицией наслаждение (*defining the jouissance at stake*).

В том же духе прошла дискуссия на тему знания и власти (*savoir et pouvoir*), характерная для 1960-х. Дискуссия была организована словно по сценарию Лакана, точнее, посредством сформулированных Лаканом операций. Деррида критиковал Фуко (за год до начала XI-го семинара Лакана) в своем выступлении о когито и истории безумия^{**}. Это была резкая критика работы Фуко «История безумия в классическую эпоху»^{***} опубликованной несколькими годами раньше. Фуко ничего не ответил на эту критику ни во время лекции Деррида, ни после выхода в свет его «Письма и различия». Однако, дождавшись второго издания «Истории безумия в классическую эпоху» в 1972 году, в самом конце своей книги он дал самую жесткую отповедь критике Деррида.

Позвольте мне процитировать отрывок из биографии Фуко (*Michel Foucault, Life and Work*)^{****}, в котором он очень ясно излагает свои взгляды. В приводимых отрывках он говорит о Деррида:

«Я бы не сказал, что в текстуализации его дискурсивной практики скрывается именно метафизика или ее закат. Я бы пошел намного дальше. Я бы сказал [...], что за тем, что столь явно выдает

* См.: Jacques Derrida. *La Dissémination*. Paris, 1972. – Прим. пер.

** В русском переводе см.: Жак Деррида, *Письмо и различие*. М.: «Академический Проект», 2000.

*** В русском переводе см.: Мишель Фуко. *История безумия в классическую эпоху*. СПб.: «Университетская книга», 1997.

**** Michel Foucault. *Language, Counter-Memory, Practice*. Ed. D.F. Bouchard, Cornell: Ithaca, 1977.

себя, угадывается заурядный щеголь-педагог (*a little pedagogue*)*****, который вбивает студенту в голову, что ничего не существует вне текста. Такой тип педагогики предоставляет слово господам, облаченным неограниченной властью, которая позволяет им повторять один и тот же текст до бесконечности».

Деррида – самый выдающийся представитель и преподаватель *École normale supérieure*, серьезный специалист по феноменологии, который в прошедшие десятилетия транслировал ее философам *École normale supérieure*. «Заурядный щеголь-педагог», – сказано очень зло и весьма оскорбительно. После этого Фуко и Деррида не разговаривали друг с другом на протяжении десяти лет. В конце концов, все изменилось после того, как Деррида был арестован в Чехословакии. Когда он приехал в Прагу, чтобы выразить свою солидарность и поддержку людям, подписавшим хартию чешских диссидентов, чехословацкая полиция пыталась сострять против него дело. В его вещи подбросили гашиш, обвинили в торговле наркотиками, всячески пытались оклеветать его – и посадили в тюрьму. Во Франции поднялась мощная волна протеста с требованием освободить Деррида. Фуко был одним из участников этой акции протеста. Вернувшись во Францию, за обедом Деррида искренне выразил ему свою благодарность. Но это произошло лишь десять лет спустя. То был долгий и глубокий разрыв отношений между ними.

Я упомянул этот разрыв лишь с дидактической целью, чтобы продемонстрировать вам, как он мог быть выведен из операций, описанных Лаканом в XI-ом семинаре. Фуко, будучи геем, утверждал, что определяющим фактором нашего непосредственного опыта является то, что мы говорим, исходя из позиции нашего собственного наслаждения. Фуко прекрасно отдавал себе отчет в том, что его теория была, в каком-то смысле, теорией его собственной сексуальной практики, и что ее не смогут отвергнуть на том лишь основании, что ее автор, мол, извращенец или еще что-то в этом роде. В действительности, это было аутентичной попыткой сформулировать свой протест против доминантных означающих, против конформизма. Его теория опиралась на тот факт, что, в конечном итоге, когда мы думаем – будь то во время анализа или на ученом совещании – во главе угла стоит объект (*a*).

Что касается Деррида, то он настойчиво пытался игнорировать тот факт, что место объекта (*a*) всегда полно. Именно о значимости этого места идет речь, когда в конце 16-ой лекции Семинара XI Жак-Ален Миллер, тогда двадцатилетний студент, задает Лакану вопрос:

«Не хотите ли Вы сказать, что отчуждение субъекта, определяющееся тем фактом, что он был рожден, сформирован и усвоен во внешней для себя области, радикально отличается от отчужде-

***** Английское выражение «*little pedagogue*» (буквально – «мелкий педагог») является калькой французского разговорного выражения «*petit-maître*» – щеголь, франт, вертопрах. – Прим. пер. (с благодарностью А.Черноглазову за подсказку).

ния, обусловленного самосознанием? Короче говоря, правильно ли будет сказать – Лакан против Гегеля?» (С.ХІ, с.229).

Лакан ответил ему: «Хорошо, что Вы это сказали, это как раз обратное тому, что я услышал от Грина» (там же, с.229). Андре Грин, французский психоаналитик, который лет десять назад занял пост вице-президента *ИРА* (Международной психоаналитической ассоциации), в 1960-е на протяжении года или двух посещал лакановский семинар, а затем написал книгу «*Le Discours vivant*»*. В этой книге он утверждал, что Лакан не принимал в расчет живой аспект аналитической речи (т.е. аффект), вследствие того, что полностью изгнал биологию из психоанализа. Ответ Лакана на вопрос Миллера поставил доктора Грина в весьма смешное положение, так как Лакан сообщил следующее:

«(Грин) подошел ко мне и – морально, во всяком случае – пожав мне руку, сказал: «Структурализм умер, Вы дитя Гегеля». С этим я не согласен. Думаю, говоря «Лакан против Гегеля», Вы ближе к истине, хотя, с другой стороны, ни о какой философской дискуссии здесь, разумеется, не может быть речи» (С.ХІ, с.229-230).

Так о чем же, по сути дела, идет речь в этом обмене репликами? Это правда, что Лакан был против леви-строссковского структурализма, который пытался упразднить субъекта.

Лакан вернул субъекта в структурализм, а также ввел логику, которая, допускала определенное измерение времени. В связи с этим, Грин пытался сказать, что структурализм умер, а Лакан является преемником Гегеля, поскольку он ввел время и субъекта – то есть чистое сознание.

Вопрос Жака-Алена Миллера показывает, что Лакан не только не считал это место пустым, но постулировал, что оно занято именно тем, что точно согласуется с фрейдовским представлением об объекте фантазии, или объекте удовольствия (*lust object*), заряженном под завязку наслаждением (*with its full charge of jouissance*). Энергетические аспекты, которые Фрейд формулировал механистически, в категориях физика XIX века, Лакан переформулирует в категориях формальной логики. Это наглядно демонстрируют комментарии Лакана к знаменитому выступлению Фуко в феврале 1969 года, озаглавленному «Что такое автор?»**. В своем тексте Фуко часто говорил о возвращении к Фрейду, но, не упоминая имя Лакана. В те годы во Французской академии (точнее, во Французском философском обществе, перед которым выступал тогда Фуко со своим докладом) все еще доминировали марксисты, которые обрушились на Фуко с нападками. Поводов для этого у них было предостаточно: широкая известность той роли, которую Фуко играл в Венсенне (одном из наиболее радикально на-

* *André Green. Le Discours vivant. Paris: Presses Universitaires, 1973. См. также издание на английском языке: André Green. The Fabric of Affect in the Psychoanalytic Discourse. London: Routledge, 1999. – Прим. пер.*

** В русском переводе см.: Мишель Фуко. Что такое автор? // Мишель Фуко. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: "Магистеріум", 1996, с.7-46. (Перевод с франц. С.В.Табачниковой, редакция А.А.Пузырева). – Прим. пер.

строенных отделений Парижского университета), его связь с бунтующими студентами, а также и разрабатываемая им ветвь структурализма, ставящая в центр внимания дискурс и структуру и оставляющая субъекта, так сказать, за бортом («субъекта» в старом значении этого термина – то есть человека). В своем выступлении Фуко показал, что лучшее определение того, что такое современный автор, можно найти в текстах Беккета, в которых возможная идентичность того, кто говорит, в конечном счете, полностью исчезает. Лакан выступил на этом заседании со следующим комментарием:

«...Я хотел бы обратить внимание на то, что – структурализм, не структурализм – нигде, мне кажется, в поле, туманно определяемом этой этикеткой, не стоит вопрос об отрицании субъекта. Речь идет о зависимости субъекта – что в высшей степени другое – и особенно, как в случае возвращения к Фрейду, о зависимости субъекта по отношению к чему-то действительно элементарному – к тому, что мы попытались выделить термином «означающее». Наконец – и этим я ограничу свое выступление, – я никоим образом не считаю законным написать, что структуры не выходят на улицу, потому как, если что и демонстрируют майские события, так это именно выход на улицу структур. Тот факт, что слова эти пишутся на том самом месте, где и произошел этот выход на улицу, доказывает всего-навсего, что просто то, что очень часто и даже чаще всего есть структура того, что называют актом, – это именно то, что он, акт, не опознает сам себя*».

Главный вызов, на который отвечала разработка Лаканом теории четырех дискурсов, как и в дискурсивной практике Фуко, состоял в доказательстве того, что «структуры выходят на улицу», поскольку структура заключает в себе некий квант наслаждения, и люди готовы отдать свою жизнь за это. Лакан записал формулу университетского дискурса следующим образом, где знание занимает положение господина:

$$\begin{array}{ccc}
 S_2 \longrightarrow & & a \\
 & \text{-----} & \text{-----} \\
 & \S S_1 &
 \end{array}$$

Этот дискурс производит субъекта, который выходит на уличную демонстрацию в силу того, что существует необходимая связь между студенческим бунтом и университетом. Высшие учебные заведения существуют с XII-го века, и там всегда имели место студенческие бунты. В этом есть какая-то необходимая связь. С тех пор и по сей день, при всей смене политических и экономических условий, константой остается тот факт, что студенты протестуют. Лакан не принимает марксистское объяснение, что студенты бунтуют, потому что они не включены в производство.

Они бунтуют, говорит он, потому что их сделал такими университетский дискурс.

Теперь, возвращаясь к Семинару XI, мы заметим, что Лакан акцентирует внимание на следствиях того же самого явления в психоанализе:

* Мишель Фуко. Что такое автор? // Мишель Фуко. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: "Магистериум", 1996, с.45-46 (перевод модифицирован). – Прим. пер.

«Переход от значащей интерпретации к означающей бессмыслице прекрасно проиллюстрировал все в той же статье Леклер, рассказав об извлеченной им, в работе с пациентом-невротиком, формуле Poordjeli – формуле, которая, связав воедино два слога слова *licorne*, единорог, позволила выстроить чередую всю, одушевляющую желание пациента, цепочку. И вы убедитесь, прочитав дальнейшие его публикации, что этим дело не ограничивается» (С.ХІ, с.267).

В той же лекции Лакан отмечает, что первая часть статьи была написана Лапланшем, а вторая часть, в которой эта формула *Poordjeli* выведена из работы с обсессивным пациентом, – Леклером*. Однако в последующей книге Леклера, в отличие от статьи Лакана «Позиция бессознательного»**, не было показано, каким образом следует продвигаться еще значительно дальше. В своей статье Лакан показал, что необходимо продвигаться еще дальше, поскольку существует цепочка, в которой желание оживляется – становится живым. В *Écrits* он неоднократно говорит о *жизни* желания.

Во внимание следует принимать не столько желание, сколько наслаждение, и рассматривать их следует в оппозиции, противостоянии друг к другу.

В 18-ой лекции Лакан делает еще один важный клинический вывод. Комментируя предложенное одним из его учеников, Модом Маннони, определение умственной отсталости, Лакан говорит:

«[Я бы, пожалуй, сказал даже так: когда нет никакого интервала между S1 и S2, когда первичная пара означающих образует монолит, голофразу, то мы получаем модель для целого ряда случаев, – хотя место, которое субъект в каждом из этих случаев занимает, далеко не одно и то же.]*

В частности, в той мере, в какой ребенок, ребенок дебил, занимает место на схеме** внизу и справа, т.е. место S, которое соответствует тому, к чему мать его сводит, для которой он является ничем иным, как опорой ее смутно определенного желания (in an obscure term), в воспитание этого дебила вводится психотическое измерение» (С.ХІ, с.253-254 – перевод модифицирован – Прим.пер.).

Этим «*obscure ter*» – «смутным обозначением», к которому мать сводит ребенка, является объект (*a*). В «Заметках о ребенке»***, написанных Лаканом для одного из своих учеников, который заведовал в клинике детским психологическим отделением, он прямо указывал, что в ряде таких феноменов, как умственное отставание, психоз и некоторые другие расстройства подобного рода, ребенок сводится к этому объекту и функции осуществления фантазии матери. Так отрывок из Семинара ХІ прокладывает путь к размышлениям о ребенке, написанным в 1969 году.

Таким образом, клиническим следствием разработки Лаканом концептов отчуждения и отделения явилось то, что после 1964 года в своем понимании психоза он акцентировал еще с большей силой роль объекта (*a*) как

* Jean Laplanche et Serge Leclaire. *L'Inconscient, une étude psychanalytique // L'Inconscient*. Paris: Desclée de Brouwer, 1966, p.95-130; 170-177. – Прим. пер.

** Lacan, Jacques. *Position de l'inconscient // Écrits*. Paris: Editions du Seuil, 1966. См. также перевод на англ языке: *Position of the Unconscious*, transl. by Bruce Fink // R.Feldstein, B.Fink, M.Janus (eds.), *Reading Seminar XI*. Albany: SUNY Press, 1995, p.259-277. – Прим. пер.

* Вследствие того, что приводимая Лораном цитата логически вытекает из предыдущего предложения, переводчик позволил себе вольность, ради облегчения понимания, вставить его [в квадратных скобках] внутрь цитаты автора. – Прим. пер.

** См. схему на стр. 254 (С.ХІ) – Прим. пер.

*** Опубликовано в «*Ornicar?*» в 1969г. – Прим. автора.

объекта, к которому редуцируется психотический субъект. Эта мысль отсутствует в опубликованной в «*Écrits*» статье Лакана, которая посвящена мемуарам Шребера.

Начиная с 1964 года, Лакан подчеркивал клиническое значение той степени, в какой ребенок сводится к смутному объекту материнского желания, и всю важность этого факта для клинического понимания детских психозов.

Перевод с франц. – В.Цапкина